

В настоящее время уголовно-процессуальное законодательство Республики Беларусь и стран ближнего зарубежья (России, Украины, Молдовы и т. д.) выделяет двух субъектов, обладающих специальными знаниями в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности, которые при этом являются не заинтересованными в исходе уголовного дела, – эксперт и специалист. Согласно Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь под экспертом понимается субъект, которому поручено проведение экспертизы. Специалистом, в свою очередь, является лицо, вызванное органом, ведущим уголовный процесс, для участия и оказания содействия в производстве следственных и других процессуальных действий.

Следует отметить, что, несмотря на сложившуюся законодательную дифференциацию субъектов, обладающих специальными знаниями, имеются некоторые противоречия действующих норм права. Так, в ч. 2 ст. 227 УПК Республики Беларусь речь идет о том, что «экспертиза проводится *специалистами* экспертных учреждений, иных государственных или негосударственных организаций либо *другими сведущими лицами*, назначенными следователем, дознавателем» (курсив наш. – *О.П.*). Таким образом, законодатель потенциально допускает как возможность проведения экспертизы специалистом, что противоречит ч. 1 ст. 61, ч. 1 ст. 62, ч. 2 ст. 230, ст. 231 УПК Республики Беларусь, так и существование других лиц, обладающих специальными знаниями и могущих осуществлять экспертную деятельность.

В.Н. Махов отметил, что в настоящее время недооценка значения исследований о субъектах специальных знаний свидетельствует об отсутствии как в уголовном процессе, так и в криминалистике единого мнения о терминологии и сущности деятельности указанных лиц. По мнению автора, подмена понятия в данном случае имеет не только теоретическое, но и практическое значение, ведет к неправильному представлению о сведущих лицах и специалистах, о соотношении их полномочий. Л.М. Исаева подчеркивает важность поставленной проблемы для практических работников: несмотря на то что в уголовном судопроизводстве имеются две отдельные процессуальные фигуры, обладающие специальными знаниями – специалист и эксперт, на практике их часто путают: специалистов называют экспертами, а экспертов – специалистами. Интересно, что практики не видят в этом большой беды, не понимая, что использование неправильных процессуальных терминов путает и искажает смысл того, что они реально делают. Одновременно это ставит вопрос об их компетентности в целом. Развивая данную мысль, Л.М. Исаева указывает, что чрезмерное деление по персоналиям, например, на институт специалистов и институт экспертов, носит искусственный характер. В основе привлечения указанных лиц для нужд правосудия лежит обладание ими специальными знаниями. Так зачем же разделять институт специалистов и институт экспертов, когда речь идет прежде всего об изучении возможностей использования специальных знаний для нужд судопроизводства, о совершенствовании института сведущих лиц?

Представляется, что применительно к системе Министерства внутренних дел данное высказывание имеет рациональное зерно. Современное развитие теоретических и практических аспектов деятельности сотрудников экспертно-криминалистических подразделений, а также интенсификация интегративных процессов в указанных сферах существенно изменили само понимание правового положения как эксперта, так и специалиста. В настоящее время целесообразно говорить о возникновении новой целостной (сложной) фигуры в должностном понимании – эксперта-криминалиста, подчеркивающего ярко выраженный научно-исследовательский характер профессиональной деятельности. Указанный субъект функционально наделен (в зависимости от этапов, целей и задач предварительного расследования) процессуальным статусом эксперта, специалиста со всеми вытекающими из этого последствиями; консультанта и технического помощника сотрудников правоохранительных органов.

Нецелесообразно вести речь только лишь о едином институте сведущих лиц, не выделив при этом его основные элементы (эксперта, специалиста). Специфика и объем специальных знаний ввиду широкой дифференциации наук, наличия множества задач по достижению целей судопроизводства, стоящих перед указанными лицами (являющимися при этом сотрудниками различных государственных и негосударственных учреждений), в каждом конкретном случае носят строго индивидуальный, ограниченный рамками закона характер и требуют разграничения процессуального положения специалиста и эксперта.

Философские категории «содержание» и «форма» едины в своем понимании. Содержание не существует без формы, а форма существует лишь как форма данного содержания. Постоянное расширение содержательной стороны деятельности экспертов по должности со временем потребовало на практике существенного изменения и формы его профессиональной подготовки. Стало очевидным, что профессия эксперта основывается на комплексе знаний, составными элементами которых являются как правовые, так и естественно-научные, а также технические знания. Данный факт проявился в необходимости создания собственной экспертной научной основы, носящей интегрированный характер, для разработки и дифференциации новой профессиональной квалификации в правоправедении – эксперт-криминалист.

В 2009 г. вступил в силу Образовательный стандарт Республики Беларусь по подготовке выпускника высших учебных заведений по специальности «Судебная экспертиза», получающего квалификацию «Юрист. Эксперт-криминалист». Образовательный стандарт закрепил основные задачи и виды профессиональной деятельности эксперта-криминалиста, в которых он должен обладать определенной компетенцией (экспертной; следственной; юрисконсультской; информационно-консультационной; организационно-управленческой; научно-исследовательской). Данные нововведения в профессиональной подготовке сотрудников экспертно-криминалистических подразделений Республики Беларусь подчеркивают многогранность и разносторонность специальных знаний, которыми должен обладать эксперт-криминалист, и требуют в дальнейшем проведения углубленного теоретического исследования в данном направлении. Представляется, что нормативное уточнение квалификации эксперт-криминалист, а также научные разработки по закреплению данного статуса приведут на практике к единому пониманию должностных функций указанного субъекта.

А.П. Пацкевич

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Следственная и судебная практики свидетельствует об усиливающемся противодействии предварительному следствию как со стороны участников уголовного процесса, так и иных лиц, заинтересованных в исходе расследования дела. Это происходит порой в связи с активизацией деятельности преступных организаций, обладающих значительными материальными ресурсами для подготовки преступлений, подкупа многих участников уголовного процесса.

Противостоять таким явлениям может лишь обеспеченный высокопрофессиональными кадрами, оснащенный современными техническими средствами следственный аппарат в тесном взаимодействии с органами дознания. Однако сохраняется высокая текучесть кадров, отдельные профессионалы уходят в экономическую сферу, обогащая ее знаниями следственной и оперативно-розыскной работы.

Сложившееся в нашей стране в конце XX – начале XXI в. положение в организации деятельности следственного аппарата не отвечает потребностям гражданского общества, поскольку не обеспечивает действенной защиты общепризнанных прав и свобод его членов. Результаты работы следователей вызывают серьезные нарекания со стороны граждан, а равно обоснованную критику со стороны средств массовой информации. Как свидетельствуют данные, опубликованные в печати, подкуп должностных лиц МВД и их участие в организованных группах становятся распространенным явлением.

Исторический генезис развития органов предварительного расследования, процессуальное положение следователя освещалось в ряде работ известных белорусских и российских авторов. Этому вопросу особое внимание уделяли Р.С.Белкин, Б.А. Викторов, А.К. Гаврилов, И.М. Гуткин, Л.М. Карнеева, Л.Д. Кокорев, Л.И. Кукреш, Н.И. Кулагин, А.М. Ларин, П.В. Мытник, Н.И.Порубов, А.А. Чувилов, Ф.Н. Фаткуллин, В.В. Шимановский, М.А. Шостак, Н.Я. Якубович и др. Их труды внесли большой вклад в разработку исследуемых проблем, но не исчерпали их полностью, тем более что ряд работ этих авторов были написаны на основе ранее действовавшего УПК РСФСР 1960 г., а поэтому многие их положения устарели и требуют серьезной доработки.

Анализ отечественного опыта создания, становления и реформирования органов предварительного расследования позволяет сделать вывод, что вся история развития следственного аппарата Республики Беларусь – это непрерывный поиск форм его организации и места в системе правоохранительных органов. Органы предварительного расследования Республики Беларусь прошли в своем развитии и становлении сложный и противоречивый путь. И необходимо отметить, что проводимые преобразования следственных органов хотя и имели определенное прогрессивное значение, однако, по нашему мнению, в основном носили характер «косметического ремонта» и не имели ничего общего с подлинной реформой предварительного расследования.

Проводя сравнительно-правовой анализ законодательства, которым регламентировалось положение следственных органов в дореволюционной Российской империи и в советский период, следует отметить неестественное положение судебного следователя в царской России, осуществлявшего функции обвинения, защиты и элементы функции разрешения дела (проверка, оценка доказательств, право избирать меру пресечения, участвовать в разрешении уголовных дел по существу и осуществлять контроль за формальными условиями задержания), привело к тому, что работа его была малоэффективной.

Советский период отличается непрерывным поиском форм организации следственного аппарата, определением его места в системе органов, осуществляющих борьбу с преступностью. Это была череда бесконечных реорганизаций, переименований, перераспределения подследственности между ведомствами, наделенными правом производства предварительного расследования (в основном между органами прокуратуры и Министерством внутренних дел).

Тенденция к разобщению следственного аппарата, рассредоточению его по разным ведомствам сохранялась и в 90-х гг. XX в., когда наряду со следственными аппаратами МВД, КГБ и прокуратуры аналогичные были созданы в Комитете государственного контроля.

Следует разделить точку зрения ученых и практиков, считающих, что для совершенствования деятельности органов предварительного расследования, повышения престижности профессии следователя и усиления его роли в системе органов, осуществляющих борьбу с преступностью, целесообразно создать единый вневедомственный следственный аппарат, однако осуществлять этот процесс необходимо поэтапно, путем, например, постепенного расширения подследственности уголовных дел, расследуемых следственным аппаратом МВД. Представляется, что именно этот аппарат может стать той структурой, которая, будучи выделенной из системы МВД, послужит основой вневедомственного следственного комитета – службы расследований.

Реформирование системы органов предварительного расследования на пути к созданию Государственного следственного комитета должно проходить поэтапно при наличии долгосрочной программы финансирования с учетом зарубежного опыта (на примере Республики Казахстан) и критического анализа причин, приведших там к полному упразднению существовавшего менее двух лет после создания Государственного следственного комитета.

Согласно нормативным ведомственным актам МВД начальники органов внутренних дел осуществляют руководство взаимодействием органов дознания и следствия. Правом процессуального контроля за действиями следователя они не наделены. Это означает, что ни по одному процессуальному вопросу они не могут навязывать следователю свое мнение, давать указания и требовать их исполнения. Изучение практики показало, что хотя формально следственные подразделения находятся в соответствующих органах внутренних дел, однако фактически имеет место полное их подчинение, так как начальник управления предварительного расследования (отдела, отделения) по должности является заместителем начальника УВД-ОВД.

Состояние фактической подчиненности следствия приводит и к тому, что ему дают оценку лица, не уполномоченные на то законом. В соответствии с уголовно-процессуальным законом оценку следственной работы может дать только вышестоящий начальник следственного подразделения либо прокурор. Несмотря на неоднократное декларирование в ведомственных нормативных актах МВД недопустимости вмешательства в деятельность следователя, фактически он не огражден от воздействия на него со стороны указанных должностных лиц и оперативного состава.

Шагом к усилению процессуальной независимости следователей ОВД было бы выведение их из административного подчинения начальникам ГО-РОВД и установление прямой подчиненности только начальникам следственных управлений. Таким образом, следователь низового звена именовался бы как следователь управления ПР УВД, МВД по такому-то району, как это было раньше.

Одним из первых этапов на пути к созданию независимого следственного аппарата и усилению процессуальной независимости следователей ОВД является выведение их из административного подчинения начальникам ГО-РОВД и установление прямой подчиненности начальникам следственных управлений.